

M
U
K
P
O
Л
I
T
B
4

-LABYRINTH 2012
by Atushkin Sergej

МИКРОЛІТЪ 4

ББК 84 (2 Рос=Рус)6

УДК 821.161.1

М-59

Главный редактор:	Иван Кротов
Заместитель редактора:	Игорь Васильев
Редколлегия:	Анна Мамаенко Александр Мартусенко
Творческий совет:	Иван Карасев Нина Хрущ
Верстка:	Иван Кротов

На обложке работа Сергея Матушкина “Лабиринт”.

На первой странице работа И. Карасева “Искажение паруса”.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не вступает в переписку с читателями. Перепечатка материалов по согласию с редакцией.

Адрес для писем: 352152, Краснодарский край, г. Гулькевичи, ул. Пионерская 96,
ТО «Ладомир». e-mail: wall55@mail.ru. Тел: (86160) 5-32-63

© Авторы, 2012

С. Матушкин (с)

Есть время обретать и время терять. В марте Краснодар потерял писателя Алексея Передереева...

Я знал Лёшу семнадцать лет – с того памятного дня в 95 г, когда нам, молодым и преисполненным надежд, вручали премию главы края. Он запомнился мне своим жизнелюбием и всепобеждающим оптимизмом. Немногие

умеют так радоваться нашей скудной действительности. И так ярко мечтать о недостижимом. Этот улыбчивый человек фонтанировал идеями, большинству из которых, увы, не суждено было сбыться... Ну и что с того? «Если человек хочет великого – он добьётся малого; если захочет малого – то добьётся только ничтожного» - говорит восточная мудрость.

В наше прагматическое время мечтателей не любят. О тех, кто не утратил способности мечтать и восхищаться, говорят: «не приспособлен к жизни». Может и так. Сегодня наша страна переполнена приспособленцами, готовыми выкачивать деньги из чего угодно. И где мы теперь находимся? Пытаемся догнать и перегнать Африку. Думаю, что положение России изменится не раньше, чем вырастит новое поколение людей, умеющих мечтать и ставящих себе нетривиальные задачи.

Лёша был одним из тех людей, что сохраняют способность мечтать несмотря ни на какие общественные перемены. Шло время. Мы не часто виделись, но он оставался прежним неугомонным Передереевым. Лёша строил планы, выпускал книги и журналы, договаривался о публикациях за рубежом – казалось, что так будет вечно.

Но время неумолимо. И однажды большой Лёшиной мечте стало тесно в его груди и, разломав хрупкую клетку из человеческих рёбер, она алой птицей рванулась вверх. Туда, где, как верят многие, сохраняются все лучшие слова, идеи и ожидания...

Прощай, Лёша!

Алексей Передерев

Кроссворд

Тимофей Кириллович был заядлым кроссвордистом, ему доставляло большое удовольствие отгадывать всякие ребусы и шарады. В общем, любил Крылов поломать себе голову, а что еще делать на пенсии. Охоту он не любил, поскольку считал, что вооруженный человек, выслеживающий беззащитную тварь лесную - это вопиющее зло, а порыбачить на местном озере ревматизм не позволял. Вот и стал он дни напролет кроссворды разгадывать, так сказать “серое вещество” тренировать. Однако пришли тяжелые времена, Россию бедную так прихватило, так скрутило от перестройки да демократии, что у простого люда вся жизнь наперекосяк пошла. И Крылову пришлось придумать над тем, как к пенсии небольшой приработок приложить. Походил по разным конторам да фирмам - никакого толку, кому он нужен со своим седьмым десятком. Везде деду отказывали - где по возрасту не подходил, а где по здоровью - в общем, намаялся и, несолоно хлебавши, домой возвратился. Понятное дело, пригорюнился дед.

И вот однажды встретил дед Тимофей своего старого знакомого, тоже пенсионера, взяли тараночки, да пивка в народной пивной, слово за слово, ну, и разговорились. Из этой встречи для деда Крылова не только приятность, но и польза получилась, надоумил его старый товарищ на кроссвордах зарабатывать - составлять, да в разные газеты и журналы посылать. “А ежели от затеи прок будет мал, возмись за разгадку призовых всяких головоломок, ты же в ентом деле профессор...”. Стал дед Тимофей за призовыми кроссвордами да шарадами охотиться, и так в азарт вошел, что обычные ему уж неинтересны стали. Он даже оправдание придумал: “Что толку голову ломать над пустым, а вот если призовой - тут и попотеть можно”.

Прошло время, ни много ни мало три года. Деда Крылова стало не узнать, подобрел он на призовых заморочках. Какие призы в хозяйстве ненадобные были, те бабка его на базаре продавала, а какие дельные да дорогие - старики себе на пользу оставляли. Так у Крыловых и холодильник, и телевизор, и стиральная машина импортные появились. Кухонные комбайны, пылесос и полотер теперь бабе Кате по дому управляться помогали. А дед Тимофей знай себе призовые головоломки, как орехи щелкает, да приговаривает: “Ты, бабка, никому лишнего не болтай, а то,

глядишь, удача спиной повернется, а нам еще ох как много надобно занять...”

Однажды попался ему на глаза супер-кроссворд на пятьсот слов, и приз был достойный - “Жигули - 08”. Тимофей, не задумываясь, начал свою работу, две недели сидел с утра до вечера, корпел над словами да по справочникам рыскал. Последнее его приобретение - телефон - в квартиру провели, так он напрочь про него забыл. Бабе Кате строго-настрого наказал его не отвлекать и всех, кто его ни спросит, быстренько спроваживать. Друзья да приятели в обиду ударились, мол: “Тимофей знаться с нами не хочет; как связался с разгадыванием кроссвордов, так как будто помер...”. Конечно, слухи во дворе разные про Крылова ходили, но, что он любит головоломки разгадывать, это ни для кого не было секретом. И вот, разгадав весь кроссворд, старик мигом полетел на почту отправлять ответы. Самое трудное было для Тимофея ожидание, но с этим приходилось мириться. Купив очередной номер журнала, Крылов прочел перечень победителей супер-кроссворда, его фамилия стояла третьей. Через два дня пришло почтовое уведомление явиться за пришедшей посылкой. В посылке был набор сковородок “Тефаль” и ответ редакции, в котором Тимофея благодарили за участие и указывали на допущенные ошибки, три слова были неправильными.

- Эх, поспешил я, надо было перепроверить еще разок-другой, - жаловался он своей бабке. По поводу своей промашки он никому рассказывать не стал, но многие заметили, что стал он угрюмый и раздражительный, чуть что не так - сразу в крик ударяется.

Шел он как-то зимним вечером по заснеженной улице, все вокруг белым - бело, даже на фонарных столбах шапки снежные навалены, и думал про себя: “Вот бы попался мне такой кроссворд, чтобы разгадывать его было одно удовольствие и приз был бы какой-нибудь необычный...”. Вдруг смотрит, у заснеженной лавки в сугробе что-то красочное на ветерке колышется. Подошел он поближе и поднял плотный прямоугольник. А на нем крупными буквами “САМЫЙ НЕОБЫЧНЫЙ СУПЕРПРИЗ ОЖИДАЕТ ТОГО, КТО ОТГАДАЕТ ЭТОТ КРОССВОРД!”. На обратной стороне был довольно обычный кроссворд, а внизу две красных надписи: “ФИРМА ГАРАНТИРУЕТ ПОБЕДИТЕЛЮ ДОСТАВКУ ПРИЗА В КРАТЧАЙШИЙ СРОК!”, “НАЗВАНИЕ ПРИЗА ЗАШИФРОВАНО ПО ПЕРВЫМ БУКВАМ СЛОВ...”

- Так, поглядим, что тут за загадка такая, - произнес себе под нос дед Тимофей, присаживаясь на лавку. Очки и ручку он всегда носил с собой. Первый десяток слов Крылов вписал довольно быстро, кроссворд как бы

притягивал его по мере приближения к финальной десятке слов. Старик понял воротник и, не обращая внимания на поднявшуюся позёмку и усиливающийся мороз, продолжал решать загадочный кроссворд. И вот кроссворд как бы нехотя раскрыл тайну последнего слова: - Ну, вот и все, теперь посмотрим, что там за приз.

- Так, по горизонтали слово под номером тринадцать, ага, вот оно - СКАРБ. Пойдем дальше, номер двадцать девять - МАРКА, номер шестьдесят шесть - ЕСАУЛ, номер девяносто - РЕЙД. Очень хорошо. Теперь по вертикали, номер девять - ТАЧКА и - восемьдесят восемь - мягкий знак. И что же за ПРИЗ я выиграл? - Крылов сложил все буквы, и у него получилось слово СМЕРТЬ.

- Какой идиот составлял этот кроссворд?! Что за хреновина!!! Полный обман, вот так выставляют умных людей на посмешище! Говнюки!! - и со злостью Тимофей бросил прямоугольник обратно в сугроб. Хотел было подняться с лавки, да не смог, что-то вдруг кольнуло в сердце и перекрыло дыхание, так и упал он на лавку замертво.

Через полчаса скорая помощь увозила деда Крылова с диагнозом “обширный инфаркт”.

В сугробе остался лежать странный кроссворд и вписанные буквы ответов мелкими алыми каплями стекали с яркой прямоугольной картонки в снег.

Сику – японские строфы.

Луна скрылась за тучей,
Гейша пришла к самураю.
Скинула она кимоно...
Лучше бы солнце светило.

Сражаться с Кракеном ушел самурай.
И был он удал и проворен.
Но щупальца *тако* сильнее оказались,
Теперь лишь траур удел его близких.

Придерживая огромный живот,
Вдова жаловалась знакомой,
На большую ветреность у моря...
И та сочувствовала ей.

С. Матушкин (с)

В японских деревнях очень много заброшенных домов. Они хорошо построены и могут простоять долго. Внутри них когда-то было аккуратно прибрано. И, кажется, что духи до сих пор не покинули этих домов.

Иногда в них можно найти вяленого тунца. Сначала рыба покрылась благородной плесенью. Потом окаменела.

*Как красивы,
Отполированные песком,
Раковины пустые.*

В России заброшенные поля и огороды, одичавшие сады антоновских яблонь. Домики с провалившимися крышами и выбитыми окнами. Остатки техники, оставшейся от развалившегося колхоза. Которую не успели сдать на металлолом. И внутри всё полурасташено и полузабыто. Кажется, домовые сошли с ума или умерли от белой горячки. Иногда поблизости в новых домах селятся иностранцы. Они даже не думают о тех, кто жил здесь раньше.

*История
Смерчу подобна.
Итог – свалка.*

В кубанских станицах много добротных кирпичных домов. В них доживают последние годы дряхлые старики. Потом дома продадут. И их купят выходцы с Кавказа. Они привыкли собирать урожаи спелых фруктов и овощей. Теперь собирают урожаи домов. Очищают их от прошлого. Переносят свою жизнь и своих духов.

*В старой норе
Кто поселился?
Извилистый след.*

Басни Древнего Китая как этические модели

Басня – это жанр дидактической литературы: короткий рассказ с прямо сформулированными моральными выводами, придающими рассказу аллегорический смысл.

Когда мы говорим о басне, сразу же вспоминается древнегреческий баснописец Эзоп (VI в. до н.э.), собственно и создавший этот жанр в европейской словесности. В Южной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, не без греческого влияния, существовала собственная басенная традиция, вершиной которой стала созданная в III в. «Панчатантра» («Пятикнижие»), памятник санскритской литературы, состоящий из басен и нравоучительных новелл, сатирически изображавших жизнь индийского общества. Не дошедший до нас перевод «Панчатантры» на среднеперсидский язык (VI в.) лег в основу арабской версии (VIII в.), получившей название «Калила и Димна», с которой памятник был переведен на европейские языки.

На Дальнем Востоке, и в частности в Китае, элементы басенного жанра присутствовали в фольклоре, но устойчивой жанровой формы басня здесь не приобрела. Поэтому литературоведы, говоря о басне, не упоминают Китай в качестве ареала ее распространения. Однако в китайской литературе существуют краткие нравоучительные рассказы – *юйяни*, которые можно квалифицировать как басни, хотя зачастую они больше похожи на притчи или анекдоты. Для удобства мы будем все их называть баснями, понимая неадекватность этого европейского обозначения для китайского культурного феномена. В основном басни создавались философами, историками, писателями для иллюстрации своих доводов и включались в текст произведений.

Под влиянием европейских литературных традиций в 1917 г. известный китайский писатель, а тогда еще весьма молодой человек Мао Дунь (1896–1981 гг.), собрал из разных источников короткие морализаторские рассказы и издал сборник «Чжунго юйянь чубань» («Первое собрание китайских басен»). В дальнейшем такие издания предпринимались неоднократно.

Наибольший интерес представляют древние китайские басни, созданные в период, продолжавшийся примерно восемь столетий (V в. до н.э.–III в. н.э.). Он охватывает эпоху Воюющих царств (481–221 г. до н.э.), правление династий Цинь (221–206 гг. до н.э.) и Хань (206 г. до н.э.–220 г. н.э.).

«Золотым веком» китайской басни был период Воюющих царств, именно тогда было создано большинство дидактических рассказов, послуживших моделями для дальнейшего развития жанра.

Басни эпохи Воюющих царств были продуктом своего времени и несли на себе его отпечаток. В этот период шло соперничество различных научно-политических школ, предлагавших собственные варианты выхода из политического и экономического кризиса, охватившего Китай, раздробленного на враждующие государственные образования во главе с самодержавными правителями. Самое острое соревнование идей шло между конфуцианцами, делавшими упор на этику и культуру, и легистами, ставившими в центр общественной жизни неукоснительное исполнение законов, создаваемых неограниченным монархом. Приверженцы даосизма, хотя и не отличались социальной активностью, также предлагали свои рецепты духовного лечения общества. Это было время, когда «расцветали сто цветов и соперничали между собой сто философских школ».

Ученые люди постоянно разъезжали от одного правителя к другому, служили наставниками в знатных семьях и пытались убедить власть предержащих в эффективности собственных теорий правления и реформаторских идей. Эти политические учителя и наставники царей для подкрепления своих доводов часто использовали басни. Такая форма делала доступными для усвоения властными, но зачастую малообразованными людьми мысли интеллектуалов. В иносказательной форме было безопасно высказывать свое мнение, не совпадающее с взглядами влиятельных особ, критиковать их поступки. Но главным достоинством басен было то, что во многих из них рассказчик обращался к историческому прецеденту. Как отмечал большой знаток китайской культуры Дж. Нидэм, «по существу китайский метод аргументации был основан на аналогиях – сходные дела приносят сходные результаты. Как было, так и есть, и так будет всегда. Эта вера была очень глубокой. Отсюда огромный авторитет истории на протяжении всего существования Китая».

Обращение к историческому прецеденту усиливается тем фактом, что этот опыт идет из прошлого и освящен им. Такой прием часто применялся не столько для описания реальной ситуации, сколько для придания ей символического значения. В своей простейшей форме, отмечает Д. Бодде,

Чжао Ши «Стрекоза»

использование исторического прецедента включает краткую ссылку на событие или, что более часто, на персонажей, которые могут быть как полулегендарными, так и историческими.

В некоторых случаях реальным историческим фигурам в баснях приписывались вымышленные действия, дабы придать правдоподобие и уважение моральным выводам. Вообще, для китайцев история была не объективной наукой, а инструментом образования. Она должна была учить поведению в определенной ситуации, показывая, как жившие раньше люди поступали в подобном положении.

Вообще, аналогия – это может быть самый важный способ китайской аргументации. Поскольку для китайцев весь их мир построен на подобии – человека и космоса, неба и мужчины, земли и женщины, государства и семьи и т.д., – для них решающим доказательством стала аналогия. Наличие прецедента или параллели казалось вполне достаточным, чтобы сделать доказательной собственную мысль. Примером такого хода мышления может служить следующая басня:

- Я трачу уйму времени и сил для управления страной, – говорил Хуэй, правитель царства Лян. Когда случился неурожай в Хэньэй, к северу от Хуанхэ, я эвакуировал людей в Хэдун, к востоку от Хуанхэ, и перевез зерно из Хэдуна в Хэньэй. Если случится плохой урожай в Хэдуне, я сделаю то же самое для его жителей. Насколько я могу судить, в соседних царствах нет правителя, который мог бы сравниться со мной в усердии. Но численность населения в соседних царствах не уменьшается, а количество моих подданных не увеличивается. Почему так происходит?

- Мой господин любит сражения, – отвечал Мэн-цзы, – поэтому я применю аналогию из военных действий: представьте гром боевых барабанов и лязг металла. В это время некоторые солдаты бросают доспехи и бегут с поля боя, волоча за собой оружие. Некоторые из них отбежали на сто шагов, другие – на пятьдесят. Те, кто пробежали пятьдесят шагов, стали насмехаться над теми, кто убежал на сто шагов. Что Вы думаете по этому поводу?

- Это несправедливо! Хотя они и ушли только на пятьдесят шагов, но все равно они покинули поле боя.

- Мой господин, если Вы это понимаете, Вам незачем лелеять мысль об обладании большим числом подданных, чем у соседей.

Басни использовались для наставления владык, для удержания их от опрометчивых и безрассудных авантюр. Некоторые из этих коротких рассказов вошли в золотой фонд китайской словесности, они включены в учебники, постоянно находятся «на слуху». Такими нравоучительными сочинениями являются следующие известные басни¹.

Ожидание у пня

- У крестьянина из царства Сун среди поля торчал пень. Однажды заяц, стремглав мчавшийся через поле, налетел с размаху на пень, свернул себе шею и околел. После этого случая крестьянин забросил свою соху, и все время проводил у пня, надеясь заполучить еще одного зайца. Однако зайца он не добыл, а только стал посмешищем для всего царства Сун.

Последний штрих

В царстве Чу некий знатный господин, совершив обряд жертвоприношения предкам, решил вручить бутылку вина помогавшему ему человеку. Ему самому хотелось выпить, но вина было явно недостаточно для двоих. И господин предложил следующее:

- Тот, кто первым нарисует на полу змею, выпьет все вино.

Тут же его помощник завершил свой рисунок, выхватил бутылку и сказал:

- У змеи не бывает ног. Зачем их рисовать? С этими словами он выпил вино.

Тот, кто пририсовывает ноги змее, в конце концов, остается без вина.

¹ Китайские басни не имеют названий. Первоначально они использовались в качестве примеров и пояснений и были частью текста. Названия им давали составители сборников, причем одни и те же рассказы могли иметь разные заголовки. Однако некоторые названия стали хрестоматийными.

Копье против щита

Один человек из государства Чу продавал копье и щит. Он громко нахваливал щит:

- Мой щит такой крепкий, ничто не может пробить его.

И тут же восхвалял копье:

- Мое копье такое острое – нет ничего, что оно не могло бы пронзить.

- А что случится, если твоим копьем ударить по твоему щиту? – спросили его.

И торговец не смог ничего ответить.

Не могут существовать вместе непробиваемый щит и всепроникающее копье.

С установлением первой централизованной китайской империи Цинь (221 г. до. н.э.) и превращением легизма в государственную идеологию свободное выражение идей стало невозможным. Конфуцианские ученые резко критиковали императора Цинь Ши-хуана за то, что он «... как шелковичный червь, пожрал шесть царств, уничтожил местных владетелей, овладел Поднебесной. Он полагался на низость коварных планов, что привело к исчезновению искренности и доверия. В его правление не было ни нравственных наставлений, ни преобразующих начал гуманности и справедливости, которые помогли бы объединить сердца Поднебесной ... и начался великий разброд, вызванный тем злом, которое таилось в коварстве и лжи правителя». Конфуцианцы преследовались с беспрецедентной жестокостью, их сочинения сжигались, самих ученых сотнями закапывали живьем в землю.

Недолгое торжество легизма сменилось засильем ханьского конфуцианства, которое переняло от «законников» некоторые положения, в том числе и нетерпимость к чуждым идеям. В этих условиях басни не получили значительного развития, хотя нельзя сказать, что традиция их создания прекратилась. Просто многие из них возникали как перепевы доциньских сюжетов. По-прежнему назидательные рассказы использовались в качестве наставлений для военных и дипломатов, для гражданских чиновников. Они учили рассчитывать в политике ходы и предвидеть их последствия.

Дорогая голова

В древние времена жил царь, который хотел иметь быстроходную лошадь, причем такую, чтобы могла преодолевать за день тысячу ли; за нее он готов был заплатить тысячу слитков золота. Три года прошли в безуспешных поисках.

Один из евнухов сказал царю:

- Разрешите мне уйти из дворца, и я найду такую лошадь.

Царь согласился. Спустя три месяца евнух отыскал то, что нужно, но как раз в это время лошадь околела. Он купил лошадиную голову за пятьсот золотых слитков и предстал перед царем.

- Мне нужна живая лошадь, – гневно сказал царь. – Какая польза от мертвой? И за это ты отдал пятьсот слитков золота?!

- Если мертвая лошадь стоит пятьсот золотых слитков, – отвечал евнух, – сколько же будет стоить живая?! Люди повсюду узнают, что царь готов заплатить большие деньги за лошадей. Помяните мое слово, скоро у Вас появятся прекрасные лошади.

Менее чем через год царь приобрел трех великолепных быстроходных лошадей.

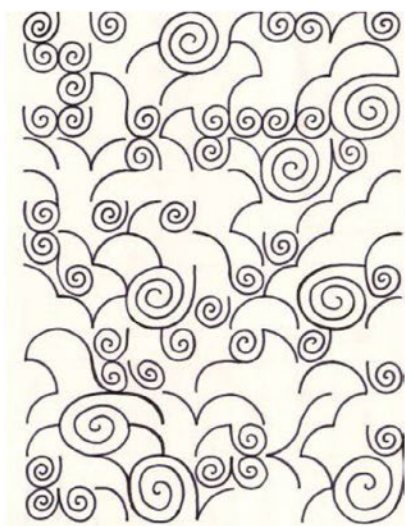
Басни, в которых действующими лицами выступают животные, наделенные характерами людей, крайне редки в китайской литературе. Некоторые образы и мотивы, связанные с животными персонажами, пришли в Китай из Индии, в основном в эпоху Тан (618–907 гг.), когда Китай был широко открыт для внешних культурных влияний. Но они не получили широкого распространения, поскольку всегда реалистически мыслящие китайцы считали, что нельзя поступаться правдой жизни и вкладывать в уста животных человеческую речь. Явно индийские мотивы звучат в басне «Тигр и лиса».

Тигр, выйдя на охоту, поймал лису.

- Ты не осмелишься съесть меня! – сказала лиса. – Небесный Владыка поручил мне править царством зверей. Если ты съешь меня, ты нарушишь мандат Неба. Думаешь, я вру? Тогда, давай, я пойду впереди, а ты следуй за мной. И ты увидишь, что не найдется храбреца, который не бросился бы наутек, едва завидев меня.

Тигр согласился и пошел следом за лисой. Все звери на их пути спасались бегством. Тигр думал, что они боятся лисы, и не подозревал, что причиной страха был он сам.

Китайские басни многоплановы и многослойны. В них сосредоточены и житейская мудрость, и этика, и политика, и многое другое. Они побуждали читателя и слушателя к раздумьям, осмыслению, домысливанию недосказанного – одним словом, требовали работы ума. Смысл этих назидательных повествований находился, как говорили тогда, «в стороне от сказанных слов». Необходимо отметить также, что отсутствие грамматических времен в китайском языке дает возможность представить сюжет не в определенной системе временных координат, а с точки зрения вечности. Прошлое легко существует в настоящем и будущем. Нравственными ориентирами в этом вечном потоке жизни были и остаются басни и притчи.

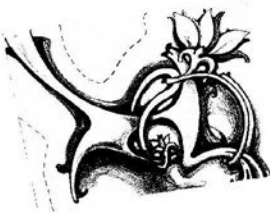
Иван Карасёв «Древности»

Легко увидеть, трудно записать,
Увиденное слову не даётся –
Как за окном черёмуха качнётся
И листья будут землю укрывать.
Вдаль поплывут по небу журавли,
Поля и рощи оглашая криком.
Как будто обелиски у земли
Напоминать о подвиге великом.

Отмечу рождение зимы,
В сиянье паденья и блеска.
Покрытые снегом холмы,
За ровной чертой перелеска.

Наброски знакомых берёз,
Мерцание чистого снега,
На грани восторга и смеха,
На грани счастливейших слёз...

Любить кого-то хочется душе –
Девчонку в незастёгнутом плаще,
Березу, обнесённую ветрами,
Мужчину, за далёкими морями,
Листок, прильнувший к мокрому стеклу,
Скрипящую от старости ветлу...

С. Матушкин (с)

Ци Биши «Цикада»

Куда, куда уносит осень птиц?
Мелькают дни прочитанных страниц.
Тоска в ночи, до самоотречения,
И не найти желанного решения.

Но как легко мне мир уравновесить –
На окна шторы чистые развесить,
Ласкать, смеясь, проснувшихся детей,
Среди разлук, любовей и смертей...

Андрей Насонов

Ландшафт

Дикобразы деревьев.
Тонкие стебли дождя.
Членистоногое шуршание
Ветра. Падшие идолы
Это – ландшафт
Города. И ещё
простуда, где нос твой высится
Громяющим Килиманджаро.

Всё случайно.
Причинно-следственную связь придумали люди.
Но иногда я вижу руку складывающую пазл
моей судьбы.

Пейзаж приколот
прищепками птиц
к проводам.
Покачивается от зноя.

Осень

Дворник на дне фонтана
ищет воду, ловит убегающий лист...

Связка невозможно цветных шаров
после вчерашней свадьбы
в паучьих лапках вишни.

Два влюблённых кеда
на проводах
связаны на всю жизнь шнурками.

В. Иванов (с)

Супрематизм осени

Жёлтая трава.
Синее небо.
Красный шарик
Из прыснувшей крови.
Треугольник осени.
Чёрный квадрат
Закономной тьмы.
Белый круг...

синема неба
синие кадры
в каждом облако
и двадцать пятый
ангела

Terra Incognita

Разлука

Что там белеет над мартовской елью?
Грустное.
- Здесь, ты был снегом.
Воспоминание.

В саду

Не считай нас. Нас больше твоего Времени, -
Лунный луч – росой отразился на просыпающейся
сирени.
Я вспомнил смысл.

В. Иванов (с)

Водолей

Ветер
Река уносила солнечных рыбок
На отмель рыбака Тень от Ивы.
Там лунно.

В. Иванов (с)

Тишина

Молчишь, -
Бесконечность шепчется твоим голосом.
Говоришь, -
Молчание творит твоими устами.
Два крыла Тишины.

Гость Дали

Ночь зашумела ветвями древнего Дуба, -
Ариадна охотится за беспризорными снами.
Она любит лунный загар.

В. Иванов (с)

Я как terra incognita, новое государство – сам себя отыщи, завоюй, разделяй и властвуй, мне не выданы номер, герб, президент и паспорт, я последний уцелевший абориген. Я заложник всех колоний и резерваций, приучивший сердце больше не разбиваться, но природа продолжает сопротивляться, оживляя какой-то необъяснимый ген. Он мешает дышать, он, как вирус, идет по венам, подчиняя, стирая, делаю чьим-то пленным, бьется током – неожиданно, как антенна, если ты ее надежно не заземлишь. Я спасаюсь горячим кофе, закрытой дверью, мантрой: «я не люблю, не хочу, не могу, не верю»...

Ты приходишь спазмом в левое подреберье, получаешь вид на жительство. И болишь.

Подо мною молчит пыль, надо мною звенит степь, мой народ у меня был, а теперь не найти стен, оседает курган – в прах, забывается слов вкус... Победивший в бою – прав, не погибший в бою – трус. Как вы, сестры мои, как? Где ты, радость моя, где? Слишком искренне жрец лгал – словно знал, что придет день. Видят боги, рвалась в бой, на коне закипал пот, но прижавшись к земле лбом, на закате ушла под. Вот копье, да к чему мне? Вот и лук, да колчан пуст, потемнела колец медь, зарастает травой путь, время вороном вьет круг, по легендам идет счет... Слишком в небо подъем крут, да и небо теперь – чье? На ладони истлел знак, даже имя твое – тень. Как вы, сестры мои, как? Где ты, радость моя, где? Почему не звенит сталь, почему не идешь ты? Или голос чужим стал, или поле укрыл дым, или клятвы твои – псам, или вера моя – враг ... Тяжело умирать там, но еще тяжелей – так. Слишком метко стрелок бил. С кем ты, радость моя, с кем?

Подо мною молчит пыль.

Надо мною звенит степь.

С. Матушкин (с)

Скверная история

Однажды нищий подал нищему. Тот так оскорбился, что прокусил руку обидчика. Второй не остался в долгу и впился в ладонь первого. Ещё долгие годы спустя они тосковали по истраченной плоти, и кляли людское коварство.

И солнце в виде капель собиралось на их скупых губах.

За морозным окном балерины у станка.
1942 г.

С. Матушкин (с)

Червь на асфальте – беженец в Москву, не нашедший себе земли.

Все мы беженцы в Москву.

Мой друг, хирург И, отнял у ангела перста. Ангела звали Юля, и была она наркоманкой, а пальцы, кажется, III и IV. Долго ещё она спрашивала, на каком должно носить обручальное кольцо...

А вы говорите литература абсурда.

Из объяснительной одной очень современной девахи.

Шла я как-то по городу и попала под дождь. Должно быть с неба, падали ржавые капли величиной с монету, с тех пор я и понесла, вот.

Живёт на свете Сахарный человек, и всем-то он хорош, только много в нём перца.

Дождь прекратился, а прохожий всё идёт под зонтом...

Анатолий Ильц

безымянная станция
в вытянутой руке Ленина
снег и луна

бездомная
так легка на ветру
вишнёвая косточка

осенний букет
в глазах читается
отвянь

полная луна
такие пустые
глаза у кукол

бабье лето
блестит в пёстрых листьях
шкурка змеи

Книга Мёртвых –
среди забытых страниц
цветок бессмертника

до воскресения
такое вечное
ожидание

С. Матушкин (с)

токката и fuga
над органным залом
ласточки

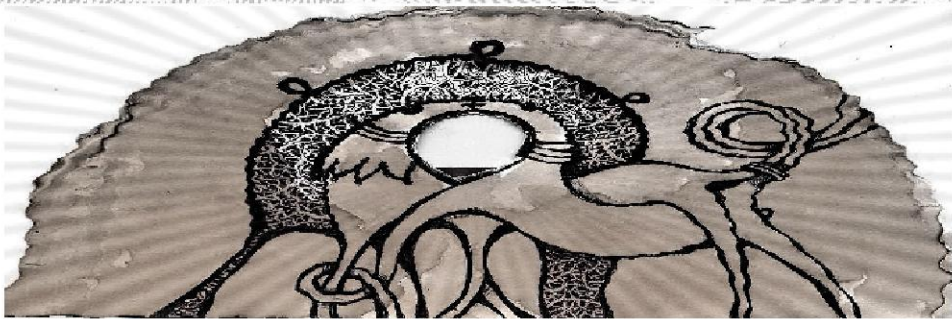
парикмахерская
на улице Карла Маркса
облетают клёны

шахматы в парке
проплывает в облаках
фигурка слона

семейное фото
не улыбается
один пёс

канун Рождества...
в почтовом ящике
лишь снег да спам

* для подражания (лат.)

С. Матушкин (с)

Николай Гранкин

зброшенная деревня
до последнего держится
старый забор

ночной туман
мокрая на ощупь
темнота

раннее утро
скрипит на все лады
новенький снег

братья меньшие
протираю
фарфорового пса

в гостях
не слушаются
чужие тапочки

дождь за окном
обрывается опять начинается
разговор

утренний чай
уже и молчим
об одном и том же

летний вечер
дети кричат
догоняй!

улитка на дорожке
мокрый след
вокруг окурка

смотрим с жабой
друг на друга
ну не красавцы

вечер
теряет подробности
пейзаж за окном

свежий снег
птичьих лапок следы
сходятся расходятся

Один день осенью

В воздухе пахло зрелыми яблоками и горячей летней землёй, нагретой солнцем за долгие летние месяцы.

С утра девочке нездоровилось: насморк, температура тридцать семь и пять, головная боль. Но идти на занятия надо было, потому что это был первый день занятий в центре профориентации.

Тёплое сентябрьское солнце, уже не горячее как в августе, а мягкое, идущее не убыль, последним щедрым теплом ласкало зелёную ещё листву деревьев, прозрачные осенние паутинки, летающие в воздухе. Горячим от солнца был выкрашенный белой краской подоконник, на него опирались локтями девочки, стоя у окна, болтая, чувствуя кожей тепло подоконника через коричневые рукава школьной формы.

За окном были видны особенно пышные густые деревья, широко раскинувшие зелёные могучие ветви под синим осенним небом. Видя, что девочка любит деревьями, подружка, высокая, полная, в туго облегающем высокую грудь коричневом платье, сказала: «Это кладбище. Ограда, деревья...». «А...» - испугалась спокойно девочка и проглотила слюну, чувствуя першение, боль в горле. «Это старое кладбище, - продолжала подружка. - Там много красивых памятников, фотографий. Ещё до революции хоронили...». Мягкое солнце, деревья, небо – всё говорило о жизни сегодняшней, настоящей, и деревья под солнцем были полны жизни. Девочка знала, что завтра не пойдёт в школу, и тихое предчувствие покоя, отдыха, домашнего сна сливалось с сентябрьским теплом и солнечным небом.

«Пойдём, урок начинается», - сказала подружка, и они пошли, заняли места за деревянным столом, пахнущим деревянной стружкой.

«И Маяковский, говорят, болел этой болезнью...» - говорила пожилая низенькая и полная учительница с пышной причёской крашенных каштановых волос. Урок был посвящён проблемам гигиены, профилактики болезней. «А диспансер, где их лечат – рядом с кладбищем», - шепнула подружка девочке.

Кладбище, болезнь Маяковского, диспансер – всё было загадочно, таинственно и не страшно в этот мягкий осенний день. И так сладко было на душе, как редко будет потом, в последующей жизни.

ТРЕХСТИШИЯ

Любовь Пахомова

Татьяна Мамаенко

весенняя ночь
среди тонких осин
звезда

ветренный день
тень облака провожает нас
до самого дома

переглядываюсь со звёздами
они тоже помнят
твои глаза

воспоминание детства
оранжевый вкус абрикоса

звонящая полночь –
тише ступай
не спугни звёзды

не спится
тикают часы или
это капли вечности?

весеннее солнце
жёлтые шарики мимозы
на белом снегу

Как на игрушку,
На мир, полный печали,
Смотрит ребёнок.

Рукав кимоно –
Бабочки трепетанье...
Так мимолётно.

Осенью щедро
Деревья дарят плоды
Всем, без разбора.

Поле пустое.
Снег, что укроет его,
Проснётся водой.

Восходит луна...
Бумажным фонариком
Вход освещает.

Зимнее утро.
По каплям сочится свет
С хмурого неба.

Шорохи ночи.
Кошки крадущейся шаг
В поисках мыши.

Антихайку

(заметки о поиске неуловимого)

Позитроника

Чем выше предмет, тем больше отбрасываемая им тень. Чем значительнее идея, тем сильнее она трансформируется после многократного повторения. Недаром же говорят, что единожды возникнув, вечный город/Амбер породил миллионы отражений лишь отдалённо похожих на него.

Как бы мы не стремились душой к неразделённому миру, но живём-то в двойственном, где каждому явлению есть свой дихотомический партнёр: ночи – день, теплу – холод; и, если мы видим *инь*, то где-то неизбежно находится *ян*. Там, в глубинах антимира, взамен нашей электроники применяется *позитроника*. И, если существует феномен хайку, оставивший за последние десятилетия значительный след почти во всех литературах мира, то с неизбежностью существования античастиц и антитез, где-то до поры скрыта идея *антихайку*. Стихотворной формы, удивительно похожей и отличной от своего двойника, формы, которая не противостоит классическому хайку, но составляет с ним взаимодополняющую пару.

Многие пытливые умы пытались изловить эту неуловимую частицу или хотя бы приблизиться к её пониманию, вызывая на себя гнев ортодоксов. Но, как и в случае с клонированием, никакой гнев осторожных не способен остудить творческого зуда упрямых и любопытных. В конце концов, всё, что сегодня имеет наша цивилизация – начиная с огня и заканчивая космическими зондами, – лишь результат их неистребимого любопытства.

Шёпот кармы

Сегодня может показаться, что традиционные темы хайку давно исчерпаны, и многие любители трёхстиший занимаются тиражированием старых образцов. Причём, ряд ограничений создан искусственно и даже не японцами, о чём свидетельствует, например, исследование Харуо Сиране. Конечно, это радикальное мнение, скорее всего далекое от реальности – жанр хайку обладает невероятной приспособляемостью, однако стремление найти его таинственную «античастицу» почти неосознанно заставляет многих наших современников тронуться в путь, даже с завязанными глазами

по шаткой доске. Появляются новые жанры, такие как «фристайл», «японский сонет».

Но жизнь не стоит на месте. Наше время несравнимо с эпохой Басё. Новые темы настоятельно просят своего воплощения. Например, космос: то, что ещё сто лет назад было почти абстракцией, мечтой, сейчас стало реальностью и обыденностью. В тридцатые годы прошлого века в Японии большой переполох вызвало упоминание в хайку паровоза. В наши дни такое же неприятие у многих «знатоков» вызывает упоминание, скажем, марсохода. Но ведь это реальность нашего времени! И кто знает, может завтра обыденностью станет то, что сегодня кажется абсурдным. Новые литературные жанры позволяют человечеству психологически подготовиться к грядущим изменениям.

*бодаются
упёртые тролли
первый снежок*

Портрет невидимки

Позволим себе на минуту представить, что мы поймали нечто, похожее на искомую античастицу. И вот что мы видим: пишется в три строки и две смысловые части; первая и третья строки должны иметь равную длину: 4-5-6 слогов; вторая строка не должна быть равной им, но может быть короче первой-третьей (т.н. «вогнутое» *антихайку*). Пишется со строчных букв, с минимумом знаков препинания. Как и в хайку, нежелательно писать от первого лица, пользоваться подпорками «как», «вроде» и т. д. Но, если хайку – это моментальная фотография, то антихайку – скорее негатив, зачастую очень причудливый.

Возможен аналог сезонного слова - *вводная*, которая представляет описываемый мир. Например: «Зазеркалье», «пески Марса», «СССР», наконец...

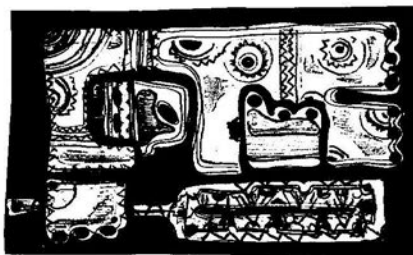
*пески Марса
«я – Земля!» - охритший
кричит радист*

Пышные формы

В антихайку допускается широкое использование метафор, внутренняя рифма, звукопись, смещение строк. Оно может быть нарочито грубоватым. Легко комплектуется в целостные циклы, не чурается олицетворения и может нести форму личного взгляда, что нежелательно для хайку. Допускается, как приём, утверждение от *обратного*:

*кто не приходит
в эти тихие земли?
мир Зазеркалья...*

*«все – одинаковы!» -
буркнул будда под дубом
едва продрал глаза*

С. Матушкин (с)

Для тех, кто помнит эту легенду, известно, что испытав просветление, Гаутама воскликнул: «да ведь они все будды!» Здесь говорится о том же, хотя и в парадоксальной форме. Вообще, важнее *что* сказано, чем *как*.

Парадокс часто становится одной из главных форм бытования антихайку:

*временная петля
собственную голову
держит в руках ниндзя*

Пожалуй, главным приёмом построения хайку служит принцип неполноты – недосказанности, когда то, что подразумевается, больше сказанного. Соответственно – по принципу негатива – одним из приёмов антихайку становится использование принципа *полноты*. Главным образом эта полнота предстаёт в описании несуществующего мира/ситуации, когда несколькими штрихами рисуется убедительная картина несуществующего. $E=mc^2$ – и вселенная описана подробным образом. Условия заданы, и наше воображение способно проделать всю остальную работу.

С. Матушкин (с)

*жара – сто градусов!
К обеду ломаешь корочку
на лужах с тонким льдом*

*чёрное солнце
бесхозные утюги
плывут над домом*

Законы абсурдного мира обрисованы, простор для фантазии открыт.

Страна фантазия

Наша эпоха, и наша страна в частности, демонстрируют удивительный рост влияния жанра фэнтези. Хорошо это или плохо, но факт остаётся фактом. Вот и антихайку движется в русле этой тенденции. В смысловом плане оно обращено, в отличие от своего оппонента, к несуществующим, абсурдным и фэнтезийным мирам, другим временам или откровенно отдалённым странам. В отличие от хайку может нести негативный или пародийный посыл, политическое или философское утверждение.

Хотя фэнтези – в том или ином виде – существовало всегда: и в эпоху пещерных людей и в эпоху Басё. Другое дело, что прежде оно служило элементом описания мира, а в наше просвещённое время стало объектом литературного поиска, служащим в основном для развлечения читателя.

*вокруг заставы
часть кол с черепами
цветёт алыча*

Охотники за синей птицей

Одним из искателей нетрадиционных путей оказался краснодарский писатель Игорь Васильев, подобно Архимеду выбежавший из бани с криком: «Нашёл!» Я попытался придать его восторженному порыву черты упорядоченности, которые и предлагаю вашему вниманию, используя для примера собственные опыты с антихайку. Когда-то давно, снедаемый жадной новаторства, я написал большую подборку трёхстиший фэнтезийного и абсурдного характера. Что-то вроде:

*тёмная тушь ночи
освещает путь ведьмы
зелёный огонёк*

Потом благополучно забыл в ящике стола, где они пролежали двадцать лет, пока Васильев не выкрикнул загадочное: «антихайку»... И тогда всё встало на свои места.

Вот такие беглые заметки по-поводу поиска таинственной частицы – антихайку, которая возможно и называется иначе, и выглядит совсем не так, но это уже другой вопрос. Свою задачу я вижу лишь в том, чтобы обозначить направление поиска. Возможно, вам повезёт в этом больше!

Иван Кротов

тяжелые гири
тянут путника всё выше –
из мира абсурда

ветки – лица – звери
всё так быстро меняется –
лес диких метафор

корабль по небу...
весело удобряют
поля матросы

плавают, не тонут,
воздушные домики...
пёстрые небеса

по дороге домой
повстречал двух драконов...
вновь рано проснулся

мрачный владыка
с высокой башни сплунет –
дорога пуста

изба на ветвях
отчитывает жену
кудлатый леший

Иван Карасёв «Чёрный текст»

бабки судачат:
совсем зазеркалился
продавец снов!

Игорь Васильев

далёкий рёв
на горном склоне
голос йети

снег выпал
огромные следы
ног босых

чёрная тень
кто
в полночном лесу?

ТРЕХСТИШНЯ

Владимир Наливайко

Думал о рифме.
Летит молоток
прямо по пальцу.

Чувства играют
в звонких словах
ненормативных.

С. Матушкин (с)

prison cell
a chrysalis clinging
to the bar

Перевод Анатолия Кудрявицкого.
Опубликовано в ирландском журнале «Shamrock» № 21.

В оригинале: «Тюрьма. Куколка бабочки вцепилась в решетку»

Павел Уваров

Сквозь пространство и время
Плетёт свой тайный узор
Бессмертное знание смертных.

В замороженных глазах
Пляшет огонь
На дереве жизни

Связаны цепью реакций
В хитросплетенье ветвей
Дарят друг другу тепло.

Илья Ковалёв

захотелось мне
оригами заняться
где диплом мой?

снова зовёт
заставляет куда-то бежать
японское пиво

Александр Мартусенко

Мухи

День обещался быть погожим – высокая трава вся светилась от росы. Тропинка была полузаросшей, и штаны мои промокли до колен. Впрочем, солнце грело спину, педали не скрипели и промокшие ноги настроение не портили. Я уже запел было, как вдруг велосипеду пришлось вильнуть в сторону – поперек тропинки лежали ноги. У меня упало сердце ... Впрочем, ноги лежали как продолжение туловища. Владелец ног лежал ничком, неудобно подвернув руку, а рядом с головой лежала засаленная кепка. Я слез с велосипеда и пригляделся, затаив дыхание – плечо алкаша мерно опускалось и поднималось. Да и росы не было на кургузом пиджаке.

Петь расхотелось, я меланхолично крутил педали и думал о нашей черствости. А как же ей было не появиться? Мы как-то с женой по осени пожалели лежащего в луже пьяного – замерзнет ведь! Вытащили, пачкаясь, взяли под руки, добились от него адреса, долго тащили домой, а он у самого дома вырвался и, петляя, бросился назад – к прогретой луже, должно быть.

Между тем, лето на даче вступило в свои права – отходила клубника, настала очередь смородины. Прохаживаясь между чесноком и морковкой, я все оттягивал время, когда подойду к любимому, статному и невероятно урожайному смородиновому кусту. Ягоды на нем почернели давно уже, но теперь они должны были набрать сладость и стать мягкими. Вот и он, красавец. Я подошел поближе ... и мне стало нехорошо – разлапистые листья смородины были заляпаны кровью. Украдкой оглянулся – нет ли чьих-нибудь еще ног на грядке? Ни ног, ни следов чьих-либо на росных грядках. Только назойливая муха вилась у лица. Странная муха – я таких не видел. Точнее - поведение у нее не шло ни в какие рамки. Видно было невооруженным глазом, что меня она в грош не ставила, выделявала невероятные кульбиты перед моим носом, только что задом наперед не летала. Был момент - я бы голову дал на отсечение! – что слышал звон какой-то прерывистой... Она смеялась! Тут у меня в ушах прозвучал обиженный голос Петьки из культового фильма: «Василий Иванович! Так они ж пьяные!» - о каппелевцах...

Муха была, что называется, в хлам! Обомлев от невероятной догадки, я склонился над кустом: самые спелые ягоды были надсечены сверху. На них пузырился забродивший сок. Как – Боже! – можно было догадаться насекомым надсекать спелые ягоды и возвращаться к ним через пару дней,

когда сок забродит!? Вот откуда «кровавые» пятна на листьях – ползали роem, видать, все в алой бражке, не в силах стать на крыло!

Возвращаясь, я невольно затормозил на повороте, ожидая увидеть знакомые ноги поперек тропинки, но увидел только примятую траву. Как вдруг... кожа сморщилась на моем затылке... на траве мелькнула растопыренная тень летящего человека.

С. Матушкин (с)

Карась Жора

Карасю Жоре следовало бы вылупиться щукою – так полагало всё население пруда. И вовсе не из-за агрессивного характера, был он как раз миролюбив, хоть и высокомерен. Просто по отпущенному ему рыбьим богом разуму был он в пруду явным лидером.

Впрочем, на щучье племя – от матёрых до костыликов – сам Жора также свысока поглядывал круглым своим глазом. Бывало, только похохатывал беззвучно, когда, уповая на сильные челюсти, хватали всё подряд, и блесну в том числе, полосатые пираты. Ну присмотритесь! – блестит же сплошным пятном, не бликует, как рыбёха... Вот и убывало закономерно щучье племя, туда и дорога!

Махнул он хвостом и на соотечественников: их маленькие мозги так запыли жиром, что даже вопросом не задавались – откуда такие мотыли в их пруду? Как результат – адье наверх, только успели жирок нагулять к зиме...

Сам Жора предпочитал находить еду в донном иле – не ленись только, ройся носом! Знал особые места, где донный ил придавал золотистый отлив чешуе, сводивший с ума толстогубый прекрасный пол.

Что ещё? Не боялся Жора и приближающейся зимы, ибо давно обследовал промоины под берегом, где били ключи, наполняющие пруд. Там непременно будут проталины, и можно будет отдышаться, не опасаясь коварных полыней...

В общем, жить бы и жить карасю Жоре, ниоткуда не грозили ему вроде опасности...

Да в октябре спустили зарыбленный пруд.

- О чём мечтательно молчишь?
- Да захотелось вновь в Париж!
- Когда там побывать успела?
- Я не была! Вчера хотела!

Я супруженьку свою
По утрам не узнаю:
Как чужая кажется,
Если не намажется!

Всегда получит наказание,
Закон нарушивший в незнание!
А тот вот, кто законы знает,
Нередко кары избегает!

Вопрос, открытый для науки:
Нам что важней – жена иль брюки?
Вот без жены живёт мой друг,
А пусть попробует без брюк...

Чтоб запах рыбы перебить
Во рту наверняка,
Вам скушать стоит, может быть,
Головку чеснока?

Тараканы

Говорят, что тараканы
Пострашнее крыс-мутантов,
Даже атомный реактор
Обживают, не лентясь.
Только всё-таки покрепче
Этих всяких экстремалов
Хомо сапиенс – адаптер:
До сих пор живёт смеясь.

Я долго жил анахоретом.
Щемил себя и в том, и в этом,
Но лишь недавно стало ясно,
Что ущемлял себя напрасно.
Ученья, что хотел, не создал,
Стихи друзьям по пьянке роздал.
В семье сунбур и маета,
И жизнь не та.

С. Матушкин (с)

Василий Скрипкин

Летний сон

Мой сон полуночный, ты шквалом железных колес был разорван на части,
А мог бы усталость мою утолить в одночасье,
Но звуков лавина неумолима, как ветер восточный,
Лишь только под утро забудусь на миг, упоительный и краткосрочный.

С. Матушкин (с)

Василий Скрипкин

Наставница

По центральной улице городка идут две женщины, пожилая и молодая, полная, грубоватая на вид. У пожилой в руках религиозный журнал «Башня стражи», разнообразные буклеты и брошюры на эту же тематику. Молодая сердито смотрит на старшую наставницу и раздражено говорит:

- И что вот этот бред я должна городить людям, как будто я в это верю?!
- Ничего, ничего – успокаивает её старшая женщина, - это сначала неудобно, а потом привыкнешь! И никакой это ни бред! Клянусь! Ей богу!

Выставка

В Гулькевичском выставочном зале развернута выставка работ местных художников, выполненных в стиле *ню*.

Пожилая сухонькая женщина на вид лет 70-ти, с двумя хозяйственными сумками, не торопясь, шаркая кроссовками по полу, проходит вдоль картин художника Владимира Ж. и негромко, как бы про себя, говорит: «Ах, ты ж бессовестный! Ах, ты ж бессовестный!». И качая головой, переходит к картинам других художников, подслеповато всматриваясь в полотна.

Только после вас

Пожилой мужчина с тяжёлым пакетом в руке, рассеяно вступает на пешеходную «зебру». Откуда ни возьмись к перекрестку подлетает крутая иномарка и тормозит у самой кромки перехода. Мужчина инстинктивно останавливается и терпеливо пропускает водителя, несмотря на своё законное преимущество. Молодой водитель жестами показывает мужчине, чтобы он проходил первым, но застывший на месте пешеход с внезапной яростью вдруг восклицает: «Да проедешь ты, наконец, или нет, а?». Водитель, не ожидавший такой реакции, пасует и виновато улыбаясь, пересекает переход

Анна Мамаенко

Летаргия

Тихо спит Герой, посаждённый во времени. На часах – без пятнадцати никогда. Только шелест боёв тараканьих по углам напоминает о том, что жизнь неизбежна. Кто здесь?! Половицы скрипят и скрипят, словно старый шарманщик за пыльным разбитым окном. Никого... Только Темень тарашится на бесконечную нежность, на покорность, с которой опадают цветов лепестки, разлагаясь на запах, на цвет и далёкое эхо, слышное только Герою. За шершавой стеной поднимается ветер шершавый... Медяками падает в шляпу шарманщика дождь за окном. За поросшей мохом стеной неведомой крепости спящий Герой обнимает убитого Друга: «Расскажи мне о том, что мы *тогда* победили... И больше незачем ждать... никого...» Уходящий шарманщик обернулся на окна горящего дома. Нырнул в подворотню. Искры осыпались вниз. И не могут погаснуть в лужах последние листья...

Приближение

Кормящий из рук своё отражение, так празднует свой День смерти. Пересчитывает свечи домов на торте. Форму свою придаёт темноте, из берегов выходящей выдохом... Гаснут огни на тарелке озера. Водомерки счищают с неё отражения. Ты к шалашу костра придвигаешься, от ночного холода на год ближе. Наматываешь ветер на шею шарфом, концы его отдаёшь воде. И прислушиваешься к плеску сока в деревьях рядом, и дальше – в себе. А ветви рисуют на небе Город, который не знаешь, но узнаешь...

Снимки дорог на твоих ботинках глазами раздавленных насекомых посмотрят, когда вперёд ногами вышибешь дно и выйдешь вон, читать себя по слоям штукатурки...

С. Матушкин (с)

Кот Басё

Тот, кто учит меня молчать,
Погружает меня во тьму.
Эта осень мне жмет в плечах.
Я, пожалуй, ее сниму.

Если б ты знал, как устроено это сердце.
Ты ничего не знаешь, ты можешь только
Слышать поверхность кожи, мембрану тела,
Ритм, перкуссию, соло дискретных звуков.

Дай-ка мне скальпель.

Она сегодня была в золотом и белом,
С инеем на ресницах.
Постель принимает форму любого тела.
Кроме того, что снится.

С. Матушкин (с)

С. Матушкин (с)

Александр Левченко

Апрельское тёплое солнышко
Снег последний растопит,
И все до одного
члены тела согреет
Настежь окно распахну
и водки от радости выпью
В пятитысячный раз
супруге в любви признаюсь
Похоже, и вправду весна наступила...

Весенним томленьем сердце наполнит
Аромат сирени цветущей
В сумерках майских нежных
Бродят юные пары

А я у калитки стою и слушаю с грустью
Как тихо шурша, песок из меня сыпется.

Быль о воре

Однажды мой сосед Парвиз поймал вора. Связал ему ноги и велел лежать до тех пор, пока он не приведёт полицейского, и направился в полицейский участок.

– Агае ажан* (полицейский, обратился он к офицеру, – я поймал вора!

– Где он? Что ты с ним сделал? – спросил офицер.

– Я связал ему ноги, – ответил тот, – и велел ждать, пока не вернусь!

– Руки его свободны?

– Да!

– Его кто-нибудь сторожит?

– Нет.

– Как нет? Да он же убежит. Что ему стоит развязать ноги? – полицейский уже не скрывал своего удивления.

– Ну, уж нет! – улыбнулся в ответ мой сосед Парвиз, – во-первых, у него связаны ноги, а во-вторых, он родом из моего села и если я до этого не додумался, то он и подавно не догадается.

Офицер полиции недоверчиво покачал головой, смеха ради взял с собой двух помощников и направился к дому Парвиза. И каково же было удивление полицейских, когда они увидели во-ра, лежащего на полу с перевязанными ногами.

– Почему же ты не убежал, несчастный?! – участливо спросил его офицер.

– Как же я мог убежать, агае ажан? Ноги ведь у меня связаны!

Это была минута торжества хозяина дома.

– Я же говорил вам, что вор – из нашего села. Если уж я не догадался, то он тем более не догадается...

С. Матушкин (с)

*агае ажан «господин полицейский» (перс.)

ПЕРСОНАЛИИ

Атоян Андрей п. Гирей. Учитель. Музыкант.

Богданович Максим г. Минск. 1891-1917 г. Классик белорусской литературы.

Васильев Игорь ст. Северская. Кандидат исторических наук. редактор журнала "Аса", автор названий "Микролит" и "Антихайку".

Гранкин Николай г. Краснодар. Призёр 4го международного конкурса хайку.

Дудин Иван с. Отрадо-Ольгинское. Член союза писателей России.

Зайцева Людмила г. Краснодар. 1962-2004г. Член союза российских писателей.

Иванов Виталий г. Краснодар. Бизнес-программист.

Ильц Анатолий Беларусь. *(от редакции: Анатолий Ильц - известный белорусский хайдзин, член редколлегий журнала "Улитка" и альманаха "Хайкумена"; отборочной комиссии международного конкурса хайку.)*

Зобова Светлана п. Гирей.

Ковалёв Илья г.Краснодар. Востоковед.

Карасёв Иван г. Краснодар. Член союза писателей России. Член союза журналистов России. Создатель уникального полисинтетического языка Арахау.

Кот Басё г. Краснодар.

Кротов Иван г. Гулькевичи. *Независимый автор.*

Кудрявицкий Анатолий г. Дублин, Ирландия. Член союза российских писателей. Известный поэт, прозаик и переводчик. Главный редактор журналов «Окно» и «Шедрок».

Левченко Александр г. Красноярск. Художник и поэт.

Мамаенко Татьяна г. Краснодар. Врач.

Мамаенко Анна г. Краснодар. Выпускник литинститута им. Горького. Поэт, журналист.

Магушкин Сергей. с. Новоукраинское. Художник.

Мартусенко Александр г. Краснодар. Врач.

Мельников Сергей г. Кропоткин. Энергетик.

Наливайко Владимир г. Гулькевичи. Энергетик.

Насонов Андрей г. Краснодар. Кандидат биологических наук. Поэт.

ПЕРСОНАЛИИ

Пахомова Любовь г. Краснодар. Художник-педагог.

Передереев Алексей г. Краснодар. 1968-2012. Писатель-фантаст, издатель, редактор. Автор 9 книг.

Скрипкин Василий г. Гулькевичи. Историк.

Скрипник Александр г. Брянск.

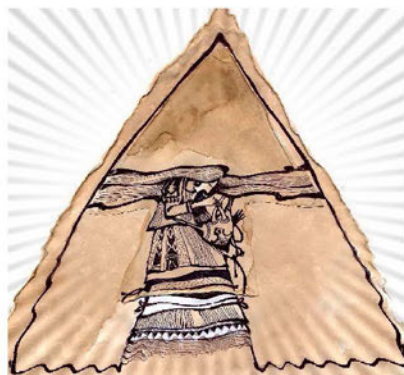
Смертин Юрий г. Краснодар. Доктор исторических наук, профессор.

Уваров Павел г. Санкт-Петербург. Врач.

Халиди Джебраил г. Краснодар. Заслуженный работник культуры Кубани.

Хрущ Нина г. Гулькевичи. Член союза писателей России. Лауреат премии журнала “Наш современник”.

Шахов Владимир г. Гулькевичи. Военный лётчик.

С. Матушкин (с)